

— Мерзавец! Живо кайся в грехах!

Свист и удары плети становились всё яростнее. Резкие, оглушительные щелчки разносились под сводами главного зала, отдаваясь эхом от каменных стен.

Ученики, выстроившись в две шеренги, безучастно наблюдали за расправой. Посреди зала на коленях стоял их старший брат — Цинь Шо. На его теле не осталось живого места от ударов плети, Раскалывающей Кости, однако он упрямо держал спину ровно и наотрез отказывался склонить голову.

Его заставили опуститься на колени сразу же, как только доставили назад, в Безжалостную обитель. Но Цинь Шо терпел муки не ради прощения. Ему нужно было лишь одно — вытребовать у старейшины Уцзиня позволение отправиться в мир смертных для истребления нечисти.

Спина горела огнём. И без того израненный, Цинь Шо покрылся холодной испариной. Каждый раз, когда силы окончательно покидали его и он готов был рухнуть на плиты пола, он стискивал зубы, упирался дрожащими руками в камень и упрямо выпрямлялся. Подняв голову, он устремил на старейшину Уцзиня, сжимавшего в руке грозовую плеть, непреклонный, яростный взгляд:

— Моей вины здесь нет, — хрипло выговорил он. — В чём мне каяться?

— Прекрасно... Просто великолепно! Симин воспитал достойного преемника! — взревел старейшина Уцзинь. — Мало того что ты погубил собрата по ордену, так ещё и запираешься, смея перечить старшим! Безумец, потерявший всякий стыд!

Гневный окрик громом прокатился под потолком, и в зале воцарилась гробовая тишина. Напряжение сделалось столь ощутимым, что другие ученики затаили дыхание. Никто из них не посмел бы сейчас замолвить слово за опального старшего брата.

Цинь Шо и не ждал сострадания. Его одежды давно превратились в окровавленные лохмотья, но он упорно прижимал руку к груди, защищая спрятанный под тканью мешочек-пустотник. Там, в его глубинах, покоился Фонарь Сбора Душ, хранивший в себе бесценное сокровище — крошечную, едва теплящуюся искру духа Вэйли.

Он обязан забрать Вэйли отсюда. Даже если ради этого придётся пойти против всей Безжалостной обители.

— Цинь Шо! Допустим, ты отрицаешь убийство Цзинь Вэйли из Дворца Небесного Начала. Но как тогда объяснить, почему мой ученик Фэн Си пал от твоего собственного Меча Сокровенного Света?

Старейшина Уцзинь едва сдерживал бушевавшую внутри ярость. Смерть его лучшего преемника на Собрании бессмертных нанесла ему сокрушительный удар. Скрывая личную скорбь за маской беспристрастного судьи, он цедил слова, полные предвзятости и затаённой злобы:

— Фэн Си с малых лет рос подле тебя. Да, порой он позволял себе мальчишеские шалости и глупые шутки, но ты затаил на него смертельную обиду! Пользуясь покровительством Симина, ты и прежде творил в ордене всё, что вздумается. Ты не мой ученик, и я не мог вмешиваться, закрывая глаза на твоё своеобразие. Но моя снисходительность обернулась трагедией — ты хладнокровно лишил жизни моего преемника! Чудовище... Какое же ты ничтожество!

Цинь Шо выслушал обвинения спокойно, не отводя взгляда:

— Я не отрицаю, что убил младшего брата Фэна. Но я сделал это лишь потому, что он первым поднял руку на Вэйли. Напасть исподтишка, подло, в спину — разве так поступают адепты праведных орденов? Я лишь отплатил ему его же монетой: око за око, жизнь за жизнь.

Уцзинь презрительно усмехнулся:

— Мертвецы не умеют говорить, так что ты волен сочинять любые сказки. Однако ученики, доставившие тебя сюда, лгать не станут. Когда они прибыли на место, и Фэн Си, и Цзинь Вэйли уже не дышали. Живым остался только ты. Разве это не лучшее доказательство твоей вины?

— Если следовать вашей логике, то кто докажет, что именно я лишил жизни младшего брата Цзиня?

На душе у Цинь Шо царил мертвенный покой — пережитое горе выжгло его изнутри, лишив способности испытывать страх или гнев. Голос его звучал пугающе ровно:

— Если старейшина желает покарать меня, то единственное моё преступление — это смерть Фэн Си. Раны же на теле Вэйли оставлены мечом младшего брата Фэна. Я к ним непричастен.

Услышав это, старейшина Уцзинь аж задохнулся от возмущения и ядовито расхохотался:

— Превосходно! Ты, негодяй, вздумал состязаться со мной в красноречии? Говоришь, никто не видел, как ты убивал Цзинь Вэйли? А у тебя есть свидетели, готовые подтвердить, что его ранил Фэн Си? С какой стати моему преемнику нападать на юношу, которого он видел впервые в жизни? Зато вы с Цзинь Вэйли полгода назад вместе спускались с горы для тренировок! Наверняка вы сговорились, чтобы прибрать к рукам змеиное сердце, вместе прикончили Фэн Си, а потом ты предательски заколол своего сообщника его же оружием!

По залу прокатился приглушённый ропот. Адепты ордена с явным отвращением косились на Цинь Шо, завязав между собой безмолвные споры при помощи духовной связи.

«Поверить не могу... Наш старший брат оказался столь гнусным предателем».

«Бедный младший брат Фэн, какая нелепая смерть! Знай мы обо всём заранее, ни за что не отпустили бы его на это проклятое Собрание бессмертных».

«Пытаться свалить вину на покойника... До чего же мерзко!»

— Если старейшина изначально закрыл разум для моих доводов, то к чему эти расспросы? — глухо произнёс Цинь Шо.

Понимая, что кара неизбежна, он бережно прижал к себе мешочек-пустотник и, собрав остатки сил, обратился к палачу с последней мольбой:

— Я приму любое наказание, которое определит орден за гибель младшего брата Фэна. Но умоляю вас... позвольте мне спуститься в мир смертных всего на один месяц. Клянусь, как только срок истечёт, я вернусь и безропотно приму смерть или изгнание.

— Отпустить тебя на волю? — вскинулся Уцзинь, словно услышал безумную шутку. — Уж не для того ли, чтобы ты сбежал и скрылся из виду? Даже представить страшно, что скажет Симин, когда выйдет из затвора и узнает о твоих злодеяниях! Даже мне, чужому человеку, тошно смотреть на твою низость!

С этими словами старейшина взмахнул рукой, и грозовая плеть, повинувшись его воле, с треском скользнула в его ладонь, разбрасывая вокруг шипящие искры.

— Похоже, сегодня мне придётся исполнить долг твоего учителя и самолично проучить эту паршивую овцу!

Обстановка накалилась до предела. Ученики испуганно переглядывались, не смея встать на пути разгневанного старейшины. Но в этот самый миг снаружи донёсся свист рассекаемого воздуха — кто-то стремительно приближался к храму на летающем мече. Раздался негромкий стук шагов по каменным ступеням у входа.

— Старейшина, пощадите!

У входа показался силуэт в лазурно-зелёных одеждах. Присутствующие зашептались в недоумении: разве этот человек не должен сейчас защищать честь ордена на Собрании бессмертных? Зачем он вернулся в Обитель в такой час?

Бай Юй торопливо пересёк зал, заслонил собой израненного Цинь Шо и рухнул перед старейшиной Уцзинем на колени:

— Молю, не наказывайте старшего брата! В случившемся виновен лишь я. Это я не уберёг его, не удержал на праведном пути! Прошу вас, обратите свой гнев на меня...

— Бай Юй? — Уцзинь нехотя опустил плетъ, но его лицо исказилось от досады и разочарования. — Второй этап Собрания бессмертных только начался, а ты устраиваешь здесь этот балаган?!

Бай Юй понурил голову, его голос зазвучал тише, сбиваясь на жалобный шёпот:

— Но ведь это правда моя вина... Если бы я не разлучился со старшим братом в лесу, если бы вовремя остановил его, младший брат Фэн остался бы жив... Я уповал на то, что Браслеты, Сковывающие Бессмертных, смирят его нрав, но...

Тут он словно спохватился, резко обернулся к Цинь Шо и уставился на его запястья. Обнаружив, что кожа там чиста, если не считать едва заметного багрового следа от ядовитых шипов, он прижал ладонь к губам:

— Брат... Но где же браслеты? Почему твои руки свободны?

Цинь Шо приоткрыл было рот, но промолчал. Выдать маленького лисёнка он не мог, а потому лишь глубже погрузился в безмолвие.

Это упорное молчание вкупе со странными обстоятельствами укрепило подозрения окружающих. Даже самые преданные ученики переглядывались с сомнением, что уж говорить о старейшине Уцзине, который изначально искал повод для сурового приговора.

— Тут и думать нечего! — гроыхнул старейшина, распаляясь ещё сильнее. — Он задумал всё заранее и заранее нашёл способ избавиться от оков! Накануне Собрания бессмертных он пролил кровь двоих собратьев ради меча, а теперь преспокойно повторил свой трюк. Знай я, на что способен этот негодяй, следовало запереть его в...

Договорить ему не дал один из старших адептов, который негромко и с величайшей осторожностью произнёс:

— Почтенный старейшина, позвольте напомнить. Как только завершится третий этап Собрания бессмертных, наш досточтимый Шицзунь выйдет из уединения. Быть может, разумнее дождаться его решения и свести все счёты разом? Если мы самовольно казним или искалечим старшего брата, Глава ордена может... счесть это неуважением.

Упоминание имени верховного лидера заставило Уцзиня поостыть. Он скрипнул зубами, смерив Цинь Шо ледяным взглядом:

— Повезло тебе, паршивец, что за твоей спиной стоит Симин... С этого момента я не желаю

тратить на тебя ни единого слова. Ступай в свою обитель и сиди там тише воды, ниже травы. Пока я не разрешу, ты не сделаешь из комнаты ни шагу.

Едва он замолк, как пространство за пределами зала содрогнулось. Мощная, удушливая волна чужой духовной силы ворвалась под своды храма подобно урагану. Каждый из присутствующих ощутил, как тяжесть давит на плечи, а в ушах зазвенел властный, раскатистый голос:

— Ваша почтенная обитель собирается так просто замять дело об убийстве наследника клана Цзинь? Неужели Безжалостная обитель держит Дворец Небесного Начала за пустое место?!

Раздался резкий, сухой стук трости о каменные плиты. Адепты невольно обернулись к выходу. Тень от вошедшего мужчины медленно расползлась по полу, а за его спиной длинной вереницей выстроились ученики Дворца Небесного Начала, намертво перекрыв поток солнечного света из дверного проёма. Представители двух великих орденов замерли друг напротив друга; невидимая черта пролегла между ними, разделяя враждующие стороны.

Старейшина Уцзинь подобрался, его взгляд сделался колючим. Как временный хранитель покоя в Безжалостной обители, он прекрасно понимал, чем грозит этот визит.

— В случившемся действительно есть вина нашего ордена, — заговорил он холодным, но вежливым тоном. — Однако прошу почтенного старейшину не беспокоиться. Когда все обстоятельства прояснятся, Безжалостная обитель непременно принесёт Дворцу Небесного Начала и клану Цзинь подобающие извинения.

Слова его звучали учтиво, но жест опровергал их мягкость. Повернувшись к ученикам, он небрежно бросил:

— Чего застыли? Проводите дорогих гостей. Нам негоже нарушать законы гостеприимства.

Гость из Дворца Небесного Начала лишь ядовито усмехнулся, без лишних церемоний срывая маску вежливости:

— Вижу, старейшина Уцзинь считает наш приход непозволительной дерзостью. Но если бы мы не явились лично, разве узнали бы, какую «справедливость» готовит Безжалостная обитель? Неужто вы полагаете, будто за убийство лучшего ученика нашего ордена виновный заслуживает лишь пары ударов плетью да домашнего ареста? Если прочие школы увидят это, они поднимут нас на смех!

Каким бы суровым ни был Уцзинь к собственным адептам, перед лицом внешнего врага он не мог позволить топтать достоинство Безжалостной обители. Заступив дорогу пришельцу, он отчеканил:

— Цинь Шо — прямой преемник Главы ордена Симина. Ни вы, ни я не вправе вершить над ним

суд. Когда Глава завершит медитацию, он лично разрешит этот спор с вашим Дворцом.

— Вы предлагаете нам покорно ждать, пока Глава Симин соизволит явить свой лик? — Лицо старейшины Небесного Начала потемнело от гнева. — И сколько же продлится это ожидание? Если ваш Глава решит медитировать десять лет — нам ждать десять лет? А если он уйдёт в затвор на целый век, мы тоже обязаны безропотно смириться?!

— Века не потребуется, — жёстко отрезал Уцзинь, не отступая ни на пядь. — Уходя в затвор, досточтимый Симин объявил, что прервёт уединение сразу по окончании Собрания бессмертных.

В зале повисло тяжёлое молчание. Наконец старейшина Дворца Небесного Начала перевёл взгляд на распростёртого на полу юношу. Сделав глубокий вдох, он процедил:

— Отложим пока обвинения. Пусть этот негодяй вернёт Фонарь Сбора Душ, принадлежащий моему покойному ученику!

Цинь Шо вздрогнул. Его пальцы судорожно вцепились в скрытый под лохмотьями мешочек-пустотник. Перед глазами его стояло бледное лицо Вэйли, а в ушах звучали его предсмертные слова: «Никому... никогда не отдавай фонарь». Даже наставнику Вэйли он не мог доверить эту хрупкую искру жизни.

Увидев, что гость готов пойти на уступки, Уцзинь поспешил развить успех. Повернувшись к виновнику торжества, он грозно рявкнул:

— Цинь Шо! Живо отдай чужую вещь!

Юноша, преодолевая невыносимую боль в растерзанном теле, попытался отползти назад. Он сильнее сжался, укрывая мешочек на груди, словно ошетилившийся иглами зверёк, готовый расстаться с жизнью, но не расцепить объятий.

Терпение старейшины Небесного Начала лопнуло. С тихим шипением он выхватил меч из ножен стоявшего рядом ученика и прижал холодное лезвие к горлу Цинь Шо:

— Моё милосердие не безгранично, щенок! Живо отдай то, что принадлежало Вэйли, не то я саморучно спущу с тебя шкуру!

Но Цинь Шо будто ослеп и оглох. На его лице не отразилось ни тени страха, губы по-прежнему оставались плотно сжаты.

Подобное презрение к его воле окончательно взбесило старейшину. Не обращая внимания на испуганные возгласы стоявших рядом адептов, он замахнулся для сокрушительного удара. Клинок взметнулся вверх — стремительно, беспощадно.

— Почтенный старейшина, постойте!..

В глазах Цинь Шо на мгновение отразился холодный блеск стали. Сильнее прижав к сердцу драгоценный фонарь, он зажмурился, готовый принять неизбежное. Но свист лезвия внезапно оборвался. Вместо жгучей боли слух уловил резкий, сухой треск, а следом — звонкие удары обломков о каменный пол.

Вокруг раздались потрясённые, испуганные вздохи.

Звук расколовшегося оружия прозвучал глухо, словно сталь в одно мгновение обратилась в хрупкий лёд.

— Ши...

— Что... что это такое?

— Неужели Глава?..

— Наш Глава ордена вернулся?!

По залу покатила волна растерянного шёпота. Догадка, вспыхнувшая в разуме Цинь Шо, заставила его сердце забиться чаще, а кровь — забурлить в жилах. Дрожа всем телом, он медленно приоткрыл глаза и обернулся.

Там, где секунду назад свистел клинок, на каменных плитах лежали осколки, мгновенно подёрнувшиеся сизым инеем. Морозный узор стремительно расползлся по полу, заставляя солнечные блики искриться холодным, неземным светом. На краю этой ледяной черты стоял человек. Снежно-белые волосы струились по его плечам до самой поясицы, а от всей его фигуры исходила столь сокрушительная, божественная мощь, что присутствующие невольно склонили головы перед этим величием.

— Шо-эр, — негромко, но отчётливо произнёс вошедший. — Иди ко мне.

<http://bllate.org/book/20094/1998514>